

А н д р е й О р л о в

ЗЛЫЕ ЗАМЕТКИ

"Кто пишет у нас лучше - не знаю. Но знаю, что писать надо иначе." В. Шкловский.

/Лит.газета, 7 дек. 1983, №49, с.3/

Шкловский много может сказать о современных писателях, но не хочет никого обижать. Поклонимся Шкловскому, он многое сделал для нашей литературы, пройдя вместе с ней все мытарства, и если теперь он не хочет говорить о ней, значит должны - другие.

"Периоды, когда искусство не имеет ни одного крупного представителя, - учил Кандинский, - являются периодами упадка в духовном мире. Во время этих периодов немоты и слепоты люди придают исключительное значение внешним успехам, они забываются лишь о материаль-

ных благах и как великое достижение приветствуют технический прогресс, который служит и может служить только телу... Постепенно духовная ночь опускается все глубже и глубже. Все серее и серее становится вокруг..."

Вряд ли Василий Кандинский пророчествовал. Он просто знал историю и законы соответствия искусства и общественной жизни. Он был одним из великанов, обладателем свободного ума. Лилипуты не могут свободно мыслить не потому, что им не дают это делать, а потому, что не умеют. Со страхом они воспринимают знание, снимающее шоры с глаз. Им легче на закат повесить табличку "рассвет", на подъеме поставить указатель "упадок", волку выдернуть клыки и надеть намордник, а из мертвого льва набить чучело, придав ему добродушную улыбку. Тишина и спокойствие воцаряется в мире лилипутов. В этом мире надо понимать не все так, как видит глаз, не всему верить, что слышит ухо.

Современный не очень заметный писа-

тель Владимир Чивилихин вздумал написать роман "Память". И написал, и опубликовал. Выбрал себе Чивилихин "любознательного читателя" и ведет с ним серьезную беседу. "Читатель" этот предстает законченным кретином, слушает все, раскрыв рот и развесив уши. Не перебивает. Такой он нравится Чивилихину. Для таких тот и пишет.

Ведет Чивилихин беседу о монгольском нашествии, поливает монголов самыми непривлекательными эпитетами и тут же заявляет, что ни на что не претендует. Я, мол, лишь простой русский писатель интересующийся историей. Тут бы ему себя за руку схватить: "Куда я — простой русский писатель — лезу в спор с профессиональными историками?" Тут бы ему бросить перо, карандаш или машинку футляром накрыть, но видно, сам он в свою простоту не верит. Думает про себя: "Я хоть и простой писатель, хоть и по делитантски разбираюсь в делах давних, но мировоззрение у меня верное, официально одобренное, да и Маркса я цитирую..." И в

цитатки тычет. Затащит цитатку, пове-
сит как орден и горд собой. А взять
бы ему томик Маркса и почитать умные
вещи: "Невежество, — пишет Маркс /Соч.,
т. I, стр. 112/, — это демоническая сила,
и мы опасаемся, что оно послужит при-
чиной еще многих трагедий." Умный был
человек, знал, что говорил.

В ходе своих бесед залез Чивилихин
в историю вопроса о варягах. Уж так ему
хочется доказать, что Рюрик был славя-
нином, уж так хочется... В этих своих
доказательствах он умело использует
методику печально известного академика
Т. Д. Лысенко: "Для того, чтобы получить
определенный результат, нужно хотеть
получить именно этот результат; если
вы хотите получить определенный резуль-
тат, вы его получите." Чивилихин явно
опоздал родиться.

Могу представить себе, как через ~~книги~~
несколько сотен лет, когда порастеряются
архивы, кто-то будет с жаром доказы-
вать соотечественникам, что Екатерина
Вторая — исконно русская баба. Ведь
имя — Екатерина, отчество — Алексеевна,
а все разговоры, что мол, немка — анти-

научные прожки норманистов, с которыми надо беспощадно и т. д. Споры нет, норманизм спекулятивен и вреден. Но чем лучше чивилихинские сверхпатриотические изыскания?

Негодующему невежеству Чивилихина нет предела. Как смеют ученые признавать воздействие ~~воздействие~~ на человека каких-то космических излучений?! Ведь это же по сути ничем не отличается от признания бога! Бедный Чивилихин, жертва мракобесия. Хорошо, он еще не сунулся в физику, а то гипотеза Большого взрыва получила бы истолкование божественного сотворения мира. Но кто знает, может скоро он и до этого дойдет. Берегитесь, физики, грядет Чивилихин!

Странные нынче стали писать романы. Хотя жанр доноса сейчас не так популярен, как в 37-ом, но Чивилихин, не претендуя на новаторство, создает жанр роман-доноса и смело воплощает его. Ценится такой жанр всегда высоко, сегодня он тянет на государственную премию.

Следовало бы подробно разобрать всю Чивилихинскую концепцию татаро-монгольского нашествия, но это уже было квалифицировано сделано с университетской кафедрой.

Все дилетантские взгляды Чивилихина изложены для обывателей, по словам самого Чивилихина, просто "удивительно, что все это печатается в современном периодическом журнале!" И изъять нельзя, потому как эта мера всегда приводит лишь к дополнительной рекламе. Положение у нас таково, что любая раскритикованная и запрещенная литература мгновенно начинает пользоваться еще большим спросом. Истерическое любопытство ко всему запрещенному это — явный признак недоверия к официальному мнению, но это и признак отсутствия собственных серьезных идей. Так черт с ним, с Чивилихиным, пусть себе пылится на полке. Слишком много внимания уделено этой тухлятине.

Каждый выбирает для себя: питаться падалью или живым мясом. Трупоеды всегда сыты. Духовный голод — привилегия, к счастью еще встречающаяся. Современ-

ными журналами для его утоления предлагаются перемолотые прозаические котлеты и безалкогольные поэтические напитки с газированной отрубкой. Кое-кто из новых, но не молодых /Житинский/ пытается кормить с ложечки взбитыми сливками и конфетами. Напрасно. У нас здоровые желудки и волчий аппетит. Нашими зубами можно грызть мословые кости. Впрочем, никто не ругает кондитеров, не надо ругать и Житинского. Его вещи вполне съедобны и легкоусвояемы. Вот только насытиться ими нельзя.

... Что можно ожидать от него? Судя по тому, что в повестях его меняются только сюжеты и нет никакого поиска, ничего принципиально нового по сравнению с уже созданным от Александра Николаевича ждать не приходится. Жаль, но спасибо ему за то, что сделал.

Литература формируется жизнью. Нынешняя жизнь не может породить хорошей литературы. Другую литературу может породить только другая жизнь, только другие люди.

Соотношение между поэзией и прозой

смешено в сторону последней. Это значит, что общество сторонится резких поэтических инъекций, оно развалилось в полудреме и лениво потягивается.

Литературный всплеск 60-х годов завершает свою историю. Литераторы-шестидесятники постепенно сходят со сцены. Иных уж нет, а те далече. Еще пишут Фазиль Искандер и Андрей Битов, еще есть кому сказать: спасибо. "Ягодные места" Евтушенко спорны по стилю, по содержанию — умело приготовленное дежурное блюдо. Реалистических романов сейчас нет и тяга к реальной, а не романтической действительности для нашего времени стремление прогрессивное.

Что грядет на смену отживающей литературной эпохе? С какими именами будет неразрывно связано нынешнее поколение? Погрузится оно в пучину ситости и духовной лени или найдет в себе силы катить вверх сизифов камень искусства? Хочется предугадать свое будущее. Что ждет нас? Уже есть теории, предсказывающие будущее. Остается только, чтобы жизнь их подтвердила.

Заметки эти не злопыхательство
желчного человека и не презрение обо-
краиваются к предлагаемой пище. Это
лишь неудовлетворенный духовный голод.
Только это и ничего больше.